Валерий Казаков

Абибоки

Миниатюры

Минск, «Кнігазбор», 2012

УДК 821.161.3-1
ББК 64(4Беи=Рус)
К14

Литературно-художественное издание

Казаков Валерий

А б и б о к и

Миниатюры

Ответственный за выпуск *Геннадий Винярский*
Редактор *Алесь Пашкевич*
Верстка *Ларисы Волчек*
Корректор *Валентина Андреева*

Подписано к печати 29.08.2012. Формат 75x90 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 2,7. Усл. печ. л. 3,28.
Тираж 300 экз. Зак. .

ЧУП «Книгосбор».
Лицензия № 02330/0003924 от 08.04.11.
Ул. Лучины, 38-93, 220112, Минск.
Тел./факс (017) 207-62-33,
тел. (029) 772-19-14, 682-83-86.

Напечатано с оригинала-макета заказчика
в ОАО «Оргстрой».
Лицензия № 02330/0494197 от 03.04.09.
Ул. Берестянская, 16, 220034, Минск.

ISBN 978-985-7007-90-5

Абибоки

Часто осенью, когда идут бесконечные дожди, когда низкие, еще не противные облака, цепляясь друг за друга, ползут бесконечными стадами, а редкие приглушенные проблески солнца неожиданно вспыхивают в миллиардах мелких и белесых, как маковые зерна, росинках, вдруг рождаются ***абибоки*** *— спокойные, неторопливые, может, где-то ленивые рассуждения обо всем и ни о чем.*

В переводе с белорусского это слово — «абибок» — и означает: лентяй, созерцатель. Мне кажется, как бы активно ни жил человек, он все равно остается абибоком своей жизни, ему всегда есть что сказать, без надрыва, без спешки, сказать как увиделось, как подумалось. Главное — не прозевать это счастливое время…

Сверху висели прогнутые от наших грехов черные небеса. Внизу по щиколотку хлюпала противная грязь осенней полевой дороги. Сумеречная мгла постепенно сгущалась, и только там, вдалеке, на западе, блестела узкая и хищная, как лезвие ножа, полоска сдыхающего заката.

В душах, как в полупорожних флягах, бултыхалась неопределенность. Ее алюминиевый привкус во рту показывал высочайшую степень усталости. Телу не менее чем душе необходим был отдых.

Нужна ли человеку власть? Наивный вопрос. Человек рождается силой власти, данной мужчине и женщине друг над другом. Позже он постепенно постигает законы власти, и если власть не обращается в самоцель человека, а растворяется в нем, не стесняет движений и мыслей, она у него есть. О том, что есть, как правило, не спрашивают.

Остерегайтесь задающих вам подобные вопросы.

Маркс нас предупреждал, что коммунизм — это призрак, бродивший по Европе.

Ну и пусть бы себе бродил, так нет, мы перетащили его в Азию и почти столетие гонялись за ним. Позже оказалось, что мы бежали назад с повернутой вперед головой и при этом сами над собой издевались. Кстати, сегодня у нас есть возможность проделать то же самое, только в обратном направлении.

Ни о чем не думай. Шумят за окнами деревья. Осень вяжет свои пестрые кружева. Хороводы листьев в блестящей предсмертной желтизне и румянце неспешно кружатся в остывающих лучах индифферентного солнца. Сладкие, щемящие мгновения заката жизни, как вы прекрасны!

Утром что-то громко щелкает, это стрелки невидимого будильника растопырились на цифре семь. Ночь липкая, душная, с вечно гремящим за окном городом, нехотя уползает за крыши соседних домов. Металлический скрежет дня, родившийся еще где-то в середине ночи, все нарастает, становится отчетливее, резче. Пройдет совсем немного времени, и ты перестанешь слышать этот скрежет, сделаешься его ча-

стью, его маленьким, едва заметным скрежетком. И так всегда.

На уютной лесной тропинке разыгралась страшная трагедия. Десятка полтора малых рыжих муравьев пытались обездвижить и убить своего большого черного собрата. Нешуточная борьба с переменным успехом продолжалась уже более семи минут. Я так увлекся созерцанием этой баталии, что не заметил, как ко мне подбежала пятилетняя дочка. Ничего не ведавшая, ее ножка в блестящей оранжевой сандалии мягко и беззаботно ступила на дерущихся. Ребенок побежал дальше по каким-то своим, наверное, очень важным делам. На утоптанной земле остались иссыхать расплющенные остатки.

Вечность для каждого имеет свой образ. Для муравьев она обернулась блестящей оранжевой сандалией.

Чем дольше живу, тем чаще сомневаюсь. Сложные философские рассуждения рассыпаются по пыльным, мало читаемым книгам и постепенно забываются.

Простой вздох любимой женщины обращается в каскад сложных логических по-

строений и, в зависимости от оттенков этого вздоха, нас бросает в уныние или, наоборот, наполняет душу и тело несокрушимой силой и светом.

Я живу, чтобы каждый день постигать глубину этой простоты.

Маленькие птички, не знаю, как их зовут, расхищали кедровые орешки, которые я запасал для белки. При этом они это делали так непосредственно, с таким веселым писком и щебетом, что душа моя радовалась.

Когда я начал понимать, а потом почти физически ощущать боль маленьких жизненных трагедий моих детей, мне стало страшно. Я понял, что старею.

На твоем юном пытливом лице отпечаток чужой грусти. Ты этого не понимаешь и оттого мучаешься, злишься на себя, а заодно и на весь белый свет. Но, увы, твой свет замкнут пока в стенах нашей квартиры, поэтому больше всех достается нам с мамой.

Если у нас нет часов и окна комнаты плотно зашторены, мы перестаем ощущать время, но это не избавляет нас от старости.

У моей дочери есть любимый ветер, он живет в ржаном поле, где наливается колос и буйствует жизнь. Я этого не знал, пока не увидел их вместе на фотографии. Они, обнявшись, смотрели на меня ее глазами.

Как противно долго тянется время, когда нам плохо. Как протяжны и тоскливы мысли, как медленно движется минутная стрелка.

Но как ослепительны и скоротечны минуты радости. Час летит за часом, взгляд не успевает угнаться за минутной стрелкой.

Так, вздыхая, мы славим Бога и длим себя, а радостью и смехом приближаем смерть.

Десять лет усиленной демократизации и поворота до хруста в шейных позвонках к частной собственности дали свои результаты. Читаю сочинения старшеклассников

сорок пятой кемеровской школы: «Самой идеальной формой правления является монархия, так как это оптимальная, исторически оправданная форма бытия Российской цивилизации», «...в России необходимо самодержавие», «Можно, например, вернуться к тому времени, когда в стране было единоначалие», «Ей (России) нужен диктатор (царь), который бы держал власть в кулаке».

Думали, что учим одному, получили — другое. Есть над чем задуматься.

Звезды смотрят на землю холодными, равнодушными глазами, которые никогда не плакали. Им все равно, на что смотреть. Но это кажущееся величие — многие из них уже давно погасли, а их свет — как длящийся взгляд с фотографии на глянце надгробного камня.

Стоял на веранде и минут пятнадцать слушал жалобы дождя. Я его понял, но только раскрыл рот для ответной исповеди, как дождь вдруг громко всхлипнул и перестал. Третью неделю жду его возвращения, волнуюсь, вдруг придет не тот дождь — и мы не поймем друг друга.

Сидел у окна и смотрел в серо-зеленое осеннее небо, которое над соседними крышами разбавлял бледно-морковный румянец заходящего солнца. В мозгу сами собой рождались образы прошлого. Узнал картинку, появилась новая, потом еще, еще, и так все быстрее, быстрее. Вдруг яркая вспышка! Все замерло, очередную картинку я рассмотрел до мелочей, но ничего не запомнил, а самое главное, я ее не узнал, она была не из моей жизни.

Душа уже отлетела, а страх липким потом еще долго блестел на холодеющем лбу. Странно, но именно страх оставляет нас последним, до чего же он въелся в наше тело…

Дикие камни, изувеченные ветром и холодом лиственницы. На сотни километров тайга и гнус. Подкаменная Тунгуска о чем-то всхлипывает и бормочет на перекатах. Старый эвенк знает, о чем говорит река, но он забыл русский. Молчим и пьем чай.

Горная река несется так быстро, что время за ней не поспевает, может, поэтому люди на ее берегах по-прежнему живут в каменном веке. Им повезло.

Голец — сильная и красивая рыба, хватающая по наивности своей любой блестящий предмет, попавший в бурную таймырскую речку. Чаще всего сюда попадают блесны. Блесен все больше, а гольца все меньше, то же происходит и с аборигенами.

На виду у всех ветер убил несколько деревьев, но мы этого не заметили, потому что вселенная муравья, по словам Альбера Камю, отличается от вселенной кошки.

На конгрессе гуманистов все говорили о вечных ценностях и непреходящих достижениях прогресса. Долго не вытерпел, уснул. Приснился кошмар: мертвые судили мертвых. Подсудимых несколько тысяч — все величайшие ученые, веками двигавшие мировую науку. Потерпевших — миллионы

миллионов, их убили плоды открытий. Проснулся, а конгресс продолжается.

На вертолете зависли над болотом, где упало то, что позже назвали Тунгусским метеоритом. Мы прилипли к иллюминаторам. Внизу овальная черная промоина, окаймленная изумрудной травой, подслеповато смотрела в небо. Тень от вертолета казалась соринкой в этом глазу. Не знаю, кто кого рассматривал.

Вышел в сумерках на лесную поляну и остолбенел. Напротив меня стоял здоровенный замшелый пень, в профиль похожий на Троцкого. Не знаю, природа над нами шутит или мы навязываем ей свои образы, но кто-то же назвал это место еще в семнадцатом веке Давыдкиным бором.

Утро было холодным и надменным. Солнце пока осчастливило золотом только окна верхних этажей высотных зданий и, казалось, вовсе не собиралось обратить свой взгляд вниз, на озябшую за ночь землю. Автобуса долго не было. Люди, одетые

в межсезонье, зябко жались друг к другу. Утру это не понравилось. Медленно погасло золото окон. Быстро стемнело.

Ты — как утро, только настроение у тебя меняется чаще.

На дне серопесчаной котловинки маленького родника, что приютился на тенистом склоне оврага, по очереди вздымались четыре бурунчика. Крошечные гейзеры с только им ведомой периодичностью выбрасывали вверх воду, вздымая смешные столбики рыжих песчинок. У каждого из них был свой кратер, свое жерло, своя индивидуальная жизнь, обозначенная на сером дне пульсирующими пятнами. Родник был древним и вел свою родословную еще с языческих времен.

В детстве я часто приходил сюда, ложился на широкую, белую от дождей и солнца доску и, подперев голову руками, смотрел в это таинственное окошко. В деревне еще не было света, и это был мой первый телевизор с четырьмя программами. Со временем мы привыкли друг к другу, и я научился точно определять, какой из бурунчиков оживет в следующую минуту.

Давно уехал из этих мест, но когда мне плохо, я утыкаюсь лицом в ладони и вижу

серое покатое дно родника с рыжими бугорками и угадываю, из которого вздыбится смешной фонтанчик мелких песчинок. Я еще ни разу не ошибся.

Самое сильное оружие человечества — память, но мы почему-то вспоминаем и повторяем, как правило, только плохое или очень плохое.

В рождении садизма виновата теща, которая упекла де Сада в тюрьму, а двадцать семь лет отсидки лишь довершили дело.

Радость приходит и уходит, а горе всегда остается с нами.

Всю ночь бежали к свету, а солнце взошло за спиной.

Тихо, вполголоса за заснеженным окном плакала вьюга, мне было ее жалко, но впустить в дом не решился.

Шел подслеповатый осенний дождь. Его струйки тонкие, словно просеянные через сито, в сумерках были не видны. Дождь шел почти бесшумно. Когда одинокий путник в старом брезентовом плаще с капюшоном останавливался на раскисшей полевой дороге перевести дух, дождь как бы замирал. Ни всплеск, ни пузыри на лужах не выдавали его присутствия, и только тихое, едва слышное шипение да отяжелевшая от влаги одежда обнаруживали этого чудаковатого посланца осеннего неба.

Человек постоял, подышал на озябшие мокрые ладони, оглянулся назад. Пологий склон поля, по которому, почти не петляя, стлалась дорога, упирался в густеющий мрак ночи, уже успевший размыть и обесцветить очертания городских предместий. Бледные точки фонарей и размазанные полоски окон еще сильнее уродовали призрачные очертания оставшейся позади городской громады. Это был его город. Он здесь родился, вырос, прожил свою суматошную жизнь, добился определенной известности, положения, достатка. Он в совершенстве постиг жесткие городские законы, приладился к ним, научился их использовать. Ему трудно было жаловаться на свою жизнь, да он этого и не делал. Просто в одну ночь он вдруг по-

нял, что не совпадает с городом. Они стали чужими друг другу. Оказывается, всю свою жизнь он боялся стать чужим.

Еще раз оглянувшись, путник перекрестился и скорой походкой, скользя кирзовыми сапогами по жирной грязи, зашагал прочь. Нагнавшая его ночь растворила в себе одинокую, слегка сутулящуюся фигуру.

Если хочешь докричаться до человека, говори тише. В тишине живет смысл, сила и любовь, но мы это, как правило, забываем и с полоборота переходим на повышенные тона.

Телефонная трубка до сих пор не может прийти в себя от того, что мы в нее накричали сегодня ночью.

Одичал среди людей от дефицита одиночества. Долгие годы я мечтал о маленькой избушке в осенней тайге, где только я и дождь да рыжая беззвучная метель осыпающейся с лиственниц иглицы.

Долгие годы что-то меня не пускает в эту вожделенную осень. Но я настырный, я прорвусь… Потом бы только не каяться.

У измены два вкуса — горький и сладкий, только достаются они разным людям, поэтому одному хорошо — другому плохо. Обидно, что нельзя изменить самому себе.

Послушайте ветер, как по-разному он ведет свои монологи, сколько в них звуков, музыки, звериного рыка, птичьего свиста, сколько силы, боли, радости и леденящего кровь страха.

Послушайте ветер, он многое расскажет о вас.

Самым кровавым словом, произнесенным человечеством перед лицом Бога, без сомнения, является слово «свобода». Во имя ее достижения над миром пронеслись все войны и революции. Всегда и везде свобода выступала оправданием всех наших бед. Так было в древние времена, так и нынче. Войны и беды еще не окончены, ибо рамки свободы безграничны, как безбрежно море самообмана и наших иллюзий.

Как часто люди живут в придуманном мире. Стоит фантазиям или заблуждениям одного совпасть с настроением окружающих, как они заражаются ими и, по прошествии определенного времени, начинают считать их своими собственными достижениями. Так из ошибок и заблуждений одних вырастают убеждения и вера других. Заблуждение идет на смену заблуждению, истина остается не востребованной, ее просто никто не ищет. Искать труднее, чем заблуждаться. Возможно, только в последние мгновения жизни мы прозреваем и нам дается право увидеть истину, но сказать об этом миру мы уже не успеваем.

Дважды в течение одного века в России были разрушены главные скрепы государственности и морали — сословия. Они складывались десятилетиями и веками, цементировались жесткой конкуренцией и кровью. Сословное деление в различных формах проявления сохранил, кроме нас, весь мир. Безусловно, сословность как условно-практическое деление общества является одним из величайших достижений нашей цивилизации.

Сегодня в муках рождаются новые сословия, и не дай нам Боже вновь увлечься одним из самых красивых проявлений лжи — равенством. Россия этого больше не выдержит.

Вы пробовали долго смотреть в глаза хищной птице? Пустой, холодный, гипнотизирующий, малоподвижный взгляд, полностью лишенный мысли и эмоций. Глаз мгновенно реагирует на любое движение и тень, при этом команда передается в непропорционально маленький мозг, реагирующий только на те раздражители, которые можно съесть, другие отсеиваются.

В последнее время среди нас все больше и больше людей с птичьими глазами.

Высоко обаятельный человек «с природно-ласковым лицом и голосом», как он сам себя часто рекомендовал. Мы дети любви, вне зависимости от пола и возраста, мы постоянно во что-то или в кого-то влюбляемся. Без любви жить не интересно, поэтому мы переносим свои чувства на самые, казалось бы, неподходящие предметы и явления. К примеру, на политических ли-

деров. Их рейтинг — это коэффициент наших к ним симпатий. Выборы — банальный акт признания во влюбленности. По той же вечной схеме происходит и охлаждение к предмету наших чувств. После разочарования остается противный привкус напрасной траты надежд и эмоций. Каждый все это испытал на себе.

Одного человека обмануть очень сложно, но почему же тогда с такой простотой обманываются целые народы? Ответ, на мой взгляд, до примитива прост: из-за лени. Человек идентифицирует себя с народом и с поразительной быстротой перекладывает на него ответственность за себя и свою семью, фактически растворяется в нем. Народ же не отождествляет себя с конкретным человеком и не несет перед ним никакой ответственности.

Люди, как правило, знают, что их обманывают, но с поразительной поспешностью смиряются с этим, опасаясь, как бы у них не отняли что-нибудь более существенное.

Налоги и подати, как известно, являются формами наших взаимоотношений с государством, но без личного гражданского служения они превращаются в процесс купли-продажи.

На нынешнем рынке хорошее государство стоит очень дорого, поэтому у нас по Сеньке и шапка.

Туман стоял над белесой от росы травой как пар над выпущенными из живота кишками. Где-то вдалеке, на болоте, надсадно стонала выпь. Не знаю, что искал я в этом тумане, но всякий раз еще с детства меня тянуло сюда, в эту излучину почти заросшей лесной речушки. Порой в белесом призрачном мареве мне виделись чьи-то фигуры, чудились тихие голоса. Я протягивал руку, и она уходила по самое плечо в молокообразную субстанцию, исчезая из поля зрения. Однажды я вдруг явственно ощутил прикосновение чьих-то влажных прохладных губ. Это было так неожиданно, что я вздрогнул и резко отшатнулся. Туман висел в полуметре над землей. Я видел едва мерцающий светлячок костра на другом берегу поймы, вокруг не было никого. Я

сидел на корточках у самого края топи, еще шаг — и все. В прошлом году как раз здесь утонула всего за семь минут амхиницкая корова. Даже за веревкой не успели сбегать.

Трясина утробно урчала, с жадностью чмокала своим невидимым ртом. С силой выдернув уже начавшие проваливаться в холодную жижу ноги, я пустился прочь.

Меня тянет в туман. Я до сих пор надеюсь встретить там обладательницу прохладных и нежных губ.

Рассуждая о сущности чиновника, его предназначении, силе и слабости, а главное, все глубже постигая древнейшую из наук — бумаговождение, я пытался подобрать подходящий образ для емкого определения своего же внутреннего мира и в конце концов пришел к выводу, что чиновники — всего лишь пыль на сапогах власти, но чтобы ее смахнуть, власть должна нагнуться.

Большая хищная птица все кружит и кружит в обезумевшей от бездонности небесной сфере. Она то вздымает вверх и обращается в маленькую пульсирующую точку, то широкими кругами стремительно

приближается к земле и кажется почти металлической, отражая солнечные лучи. Что она хочет сказать мне? О чем напомнить? Куда она меня зовет? Тысячи ассоциаций и образов рождаются в моей голове от ее головокружительного танца.

Лежу молча, укрывшись теплой камуфляжной курткой. Главное не шевелиться. Хотя это глупо, и я точно знаю, что она давно меня увидела и все эти небесные выкрутасы она вытворяет специально для меня. И все же, что она мне хочет сказать?

Как умирает любовь? Сразу, вдруг, как когда-то родилась, или медленно, едва заметно, как осенняя полевая трава? Каждый из нас, опираясь на свой опыт или неопытность, может ответить на этот вопрос посвоему, скорее всего, сколько будет людей — столько и ответов. Возможно, каждый из нас будет прав, не знаю. Только мне кажется, что любовь не умирает, она скорее сдыхает за ненадобностью, забытая, голодная, затоптанная эгоизмом и все еще на что-то надеющаяся. Оставив эту еще дышащую и некогда такую родную любовь, мы устремляемся на поиски новой, самой что ни на есть самой. Но и эта новая, если вам конечно не тринадцать лет, окажется еле дышащим

полутрупом чьих-то чувств, вздохов, страсти и сладостных слез. Умучив свою любовь, мы бросаемся по обоюдной несговоренности реанимировать чужую, которая со временем начинает казаться нашей, кровной. Год за годом проходит жизнь. Одни из нас становятся чуть ли не профессиональными реаниматорами любви и в конце концов околевают в лютом одиночестве. Другие, и таких, слава Богу, большинство, не мечутся из стороны в сторону, а как умеют берегут то, что им отпущено судьбой: растят детей, ждут внуков и длятся в веках.

Народ, дорвавшись до свободы, невзирая на громкие предупреждения извне, всё-таки её пережрал. Чего же тогда так громко возмущаться, что мы обосрались?!

Только удел нищих быть богатыми без достатка, но большинству из нас, людей серединных и по большому счету нищих духом, достичь подобных высот практически не под силу. Нищие просят кусок хлеба, мы же, как правило, просим и у жизни, и у Бога блага, здоровье, благополучие, да и саму жизнь. Они, утолив голод, уходят

в свои небесные чертоги, где общаются с Неведомыми нам, а мы остаемся на своем пожизненном посту с протянутой рукой или просительным словом. Мы придумываем мудреные байки про юродивых, сторонимся их, побаиваемся за смелость и трезвость суждений, спешим сунуть медяшку и бежать дальше, при этом не то испытываем чувство удовлетворения от подачи милостыни и сопричастности к Добру, не то утешаем свое самолюбие созерцанием существа падшего и стоящего на социальной лестнице гораздо ниже нас — дародающих.

Вот так и живем бок о бок: богатые нищие и нищие богачи, если об этом не думать, можно прожить вполне сытую и счастливую жизнь. Поэтому серединный человек издревле боялся своих героев и регулярно приносил их в жертву своему Страху.

Никто не знает дня своего, и чем день этот станет для человека: его началом или его концом. Кто ответит, что произойдет с нашим внутренним Я там, за плотно задернутыми шторками остывающих век? Не забегай вперед, иди своим путем, который индивидуален, как попилярные линии великой мозаики всеобщей жизни, люби сам, и путь тебя любят окружающие — и в свое

время ты получишь ответы на все вопросы. Скорее всего, у каждого из нас будут свои индивидуальные и не похожие на ответы других, и только Вечная Немота остывших уст будет одинаковой для всех.

Человек и подлость — близнецы-братья. Конечно, это не всегда одно и тоже, но она всегда живет в каждом из нас с самого рождения. Неудивительно, что мы постоянно пытаемся обрядить ее в некие иные ризы и выдать за благодетель. Страшно подумать, но десятки лет мерзость отцеубийства подлого мальчика Павлика Морозова была эталоном для подражания, на этой гнусной истории воспитаны миллионы ни в чем не повинных людей. Вообще, когда роешься в деяниях подобных отбросов человечества, имена которых почему-то звучно вписывали в историю, поражаешься той мобильности, с которой наши почти всегда нечестные предки приспосабливали прошлое для своей сиюминутной выгоды и корысти. Совершив акт подлости по отношению к прошлому, они совершали ритуальное действо по обращению подлости в благодетель для себя и нас. Не думаю, что наше поколение будет чем-то отличаться от своих отцов и дедов. Обидно.

Сегодня день смерти Владимира Высоцкого. Двадцать три года. Слушаю его голос. Слезы наворачиваются сами собой. Кто он для меня? Не знаю, может, он — это я сам в том далеком восьмидесятом, а может, это плачут остатки моей еще не распроданной до конца совести?

Где-то далеко за лесом, в деревне, надсадно и глухо выла собака, как будто чья-то душа просилась на небо.

Жизнь на закате всегда интереснее и богаче, а мы ее почему-то обзываем бессильным словом «старость».

Взрослые мысли оставляют людей бесплодными.

Вечность умещается в одном глотке яда.

У умных всегда дурак в ответе, а с дурня какой спрос? Вот вам и вся мудрость.

В наше беспутное время детей надо еще и заслужить.

Не пытайся обидеться на неспособного обидеть тебя, чтобы не обидеть его.

Из не устоявшейся, разношерстной и не причесанной общей целью управленческой массы нынешнего общества не может появиться общенациональный лидер, отвечающий масштабам и историчности страны.

От глупости, деспотизма и больного самолюбия одного неизбежно страдают окружающие, будь то семья, колхоз, слесарная мастерская или государство.

Во все времена в России особенно некому было управлять государством, вот им и вертят, приворовывая, фавориты да близкие к телу.

О том, что мы стали жить лучше, народ, как и прежде, узнает не по зарплате и семейному достатку, об этом нам объявляет человек из телевизора.

Скоро будет двадцать лет, как под дружные призывы высшей бюрократии, общество, очертя голову, бросилось на борьбу с коррупцией. Затяжная, однако, война вышла, но главное, все довольны. Чиновники — увеличением штатов и ростом зарплат (для плодотворной борьбы, вестимо, нужны армии «неподкупных» борцов); депутаты, как и подобает онанистам, — процессом; свободные от принципов морали и этики журналисты — возможностью доказать, что их профессия древнее; президент — ролью конституционного гаранта и чувством собственной значимости; народ… А что народ? Чуть что, сразу народ, народ! Народ безмолвствует, он в России всегда безмолвствует,

пока интересы банкиров не заденут, ну а в борьбе с бюрократией их интересы точно не заденут, братские же таскания за пейсы не в счет. Так что все путем, и люд служивый может спать спокойно.

Соврав первый раз, каждый из нас получает право на свою собственную правду. Это как с яблоком в раю.

Чем ближе к Кремлю, тем непрогляднее власть.

Чем дальше от трона, тем больше в карманах, а те, кто рядом, для тех и трон — мошна.

Создав для человека сочные яблоки, Господь не подумал о червях, которые добираются до них первыми. Так и бюджет: еще и принять не успели, а его уже точат.

Профицитом сыт не будешь!

Страшная трагедия, произошедшая с Югославией, пока до конца никем не осмыслена. Эта славянская окраина всегда была чужой для самодовольной Европы, и последствия её разрушения могут быть страшнее последствий Второй мировой войны. Убрав естественный многовековой барьер между активным исламом и уже растерявшим пыл католицизмом, кто-то вплотную придвинул трагедию Бейрута и Ливана к стенам Бонна и Парижа.

В Черногории для того, чтобы попасть в Стамбул, не надо никуда ехать. Просто в пятницу следует из европейско-курортного Бара пешком подняться в Старый Бар.

Чем меньше читаешь, тем больше пишешь. Чем больше пишешь, тем больше читают тебя.

Смотрю на одного наполняемого ныне значимостью политика, уж больно похож на будущего царя: кукольное личико, лу-

поватые глазки, маленькие ручки, говорит складненько и не всегда впопад, возражений на дух не переносит, а главное, росточек пониже, чем у предыдущего.

А мне вот не везет — и родился не в том городе, и служил не в том ведомстве, и ростом Господь не обидел.

Высокие двустворчатые двери распахнулись, державный голос возвестил его должность и имя, хотя в этом зале его знали все. Человек шел по красному ковру и не отбрасывал тень. Может, тому виной фонари телевизионщиков или хитрости дворцового освещения, а может… Кто знает, кто знает…

Все, проходящее через наши души, забывается, и в своем беспамятстве мы счастливы.

Только Семя дает жизнь, а небытие или смерть заключены в самой жизни. То есть наше разрушение заложено в нас самих с

самого рождения, даже после физической смерти и погребения тело наше в первую очередь начинают пожирать не земные обитатели — черви и жуки, а бактерии, до этого мирно обитавшие в нашем собственном желудке.

Где начинаешься ты — кончаются реальность и деньги.

Через это нехитрое женское устройство мужчина обретает вечность и вылетает в трубу.

Конечно же, я не знаю, что такое Рай, но когда мы были вместе, мне казалось, что я к нему близко подлетаю.

У любви много лиц, но глаза у нее твои.

Научившись просить — научись отдавать.

Взявшись за гуж — посмотри, где муж.

У одиноких свое одиночество, отличающееся от одиночества стадных.

Научиться жить без мамы — как научиться заново ходить без костылей. Мир неустойчивый, неинтересный, анастобрыдлый.

Единственное солнце, которое по-настоящему согревает наши души, это Мама. И оказывается, для нас важна не столько ее забота, ее любовь, ее ожидание наших писем, звонков или приездов, сколько обычный рыжеватый свет в ее зашторенном окне, свет жизни, ее жизни.

Активно Россию стали спаивать Романовы, ну так чего же тогда обижаться на результат? Интересно, надо будет узнать, торговал ли Ипатьев водкою?

Николаец с наивной радостью сообщил, что они с ребятами начали писать новые молитвы и через них обращаться к Господу. Удивителен наш мир и наша вера! Может, и правда старые слова уже истерлись, и Богу нужны новые. А может… Даже страшно и подумать!

Кагал из узкоконфессионального понятия — молитвенное собрание — превратился в последнее время во всеобъемлющую форму существования нашего мира.

Проработав многие годы с так называемыми харизматиками, сделал поразительный вывод: до чего же это беспринципный и сплошь безвольный народ. У них всегда последнее слово, самое важное решение зависит от того, кто последний покинул высокий кабинет и что надул в уши великому.

Хочешь быть бюрократом — будь им.

В основе всякой харизмы лежит женское начало, оно-то и заводит толпу. Первыми возмущенно вскипают женщины, почуяв в харизматике соперницу. Их инстинктивное возбуждение передается мужчинам, и вот уже пары сплетаются в коллективном экстазе, демонстрируя поразительное единение общества. Отдышавшись от телемитинговых страстей, женщины переводят харизматика из разряда соперниц в высшую категорию кумиров и заражают этим окружающих.

Совсем недавно узнал, что кабак — татарское слово, и привез его в Москву Иван Грозный, продлив тем самым ненавистное иго до наших дней.

Без взятки и результаты гладки.

Не было бы правды, да неправда помогла.

Не ищи следа чужого мужчины в своей женщине — это нереально.

Женщина — не человек, поэтому не надо на нее обижаться. Мы же не обижаемся на слишком яркое солнце, проливной дождь или неожиданное землетрясение, а она — явление того же порядка.

«Для женщины один мужчина — много, а два уже — мало», — говорил мой учитель Евгений Михайлович Винокуров. За всю свою жизнь так и не смог доказать обратное.

Уж так повелось, что Русью всегда управляла нерусь.

Если мужчина пашет, то женщина — летает.

Женщина не человек, она создание неземное, может, ангел, может, чертенок, как кому повезет. Так зачем же мы пытаемся ей что-то объяснить на своем грубом и несовершенном языке? Зачем обижаемся, спорим, стараемся переделать под себя? Перекованная женщина перестает быть ею и обращается в подобного нам человека. Хорошо ли это?

Без врагов нет побед, нет великих дел, нет, в конце концов, власти.

В душе мы остались идолопоклонниками, что ни кабинет, то кумирня: на столах бюсты, на стенах портреты, в душах страх перед вышестоящим громовержцем.

Власть порождает коррупцию, а коррупция, сплачивая и усиливая самовоспроизводящуюся армию чиновников, коррумпирует общество, его сознание, и, в итоге, укрепляет власть.

Высшая форма коррупции — это борьба с коррупцией.

Борьба с коррупцией — это рейдерские войны за власть.

*

Меня разрывают противоречия между нежной ностальгией по прошлому и пугающей пустотой будущего.

Посулив будущее, у нас опять отняли прошлое.

Они разговаривали отвратительно громко, как американцы.

Много знает только энциклопедия, так что не давай себя часто листать, истреплют.

За словом «Родина» всегда прячется грабитель.

Топтать упавшего все равно что бежать на месте, только более противно.

Власть отвратительна как растление малолетних.

Натянув на себя чужое одеяло, рискуешь набраться чужих вшей.

Яйца Фаберже стали яйцами Вексельберга, и тот на весьма выгодных условиях дал их подержать России, а та и рада, как дурочка.

Живем в приличном обществе сексуальных меньшинств.

Только в кровопролитной войне России разрешают быть первой державой мира и своими костьми мостить будущее благополучие человечества.

Проигравшая нам по зимней олимпиаде Корея истратила на это около полутора миллиарда долларов, представляю, сколько вбухали мы!

Красивые женские ноги — как средство ведения третьей мировой войны: в ней никогда не будет ни победителей, ни побежденных, только процесс.

На то он и бюджет, чтобы его воровать.

Воруй да не обворуем будешь.

Теперь я точно знаю, что многие банкиры ходят в церковь только потому, что туда ходят бандиты, церковная десятина все же выгоднее, чем, скажем, «доляха» бизнеса, и потом, «братья во Христе» как-никак.

Чем больше верующих, тем меньше верников. Богу, наверное, обидно, а церкви прибыток.

Для полного счастья всегда несчастья не хватает.

Тяжело, с надрывом и кровью умирает любовь в сердце твоем. Нестерпимой болью сжимается душа, и мир, огромный цветной мир обращается в серую суконную нуду, и радость уходит из дома твоего, и жизнь обращается в никчемное существование, и смерть уже зовет присоединить тело твое к остывшему трупу былого счастья.

О, как много людей прошло этой скорбной дорогой!

Только художнику дана возможность, испепеляя себя, продлить Любовь свою в веках! Назло изменам, кривотолкам, зависти, своему малодушию сохранить, выпестовать и преподнести вечности великий дар, ниспосланный Небом.

Какое счастье, что моя Любовь живет и длится, и так будет всегда, доколе будет

жива книга и будет жив ее последний читатель.

Нет ничего более достоверного, чем то, чего никогда не было.

Пятнадцатый год пытаюсь отыскать русского банкира с русским лицом. Все тщетно, видать, так и помру от старости с этим странным желанием.

Америка, подтолкнув Европу к объединению и придумав для нее единую валюту, весьма успешно завершила колонизацию Старого Света. Легче управлять одним аморфным и на самом деле бесправным государством, чем справляться с тремя десятками национальных амбиций.

Парламентское большинство сексуальных меньшинств.

Бог одарил ее красотой, ничего не потребовав взамен.

Красивая женщина — как яблоко раздора в раю, даже праведнику хочется попробовать.

Красивая женщина всегда несчастнее, ибо красота рождает самомнение, самомнение — гордыню, а гордыня ведет к пороку и лютому одиночеству.

Я не видел, чтобы кто-то женился на уме.

На кухне пахло спелым арбузом, и я вспомнил, что это первый запах осени.

Война — это безумие властей и ничего более.

Наш разум почему-то жаждет безумия, может, поэтому мы так часто выбираем себе в правители сумасшедших.

На войне порыв к самопожертвованию во имя Родины сродни первой вспышке любви, наверное, поэтому среди ветеранов столько циников и несчастных в супружестве людей: им кажется, что Родина их недолюбила.

Страсть, как и жизнь, — перманентна.

Представители сексуальных меньшинств видят не только древнюю историю, но и весь мир в своем голубом или розовом свете. Им так интереснее и ближе, но тогда при чем здесь все мы, от которых они требуют признания свой правоты.

Если свои половые пристрастия демонстрировать не в постели, а на площадях и па-

радах, то это уже не любовь, не сокровенные чувства, а самая что ни на есть политика.

Ортодоксальные религии (христианство, ислам, иудаизм) в плотской любви как в сильнейшем эмоциональном чувстве видят прежде всего конкурентку и угрозу веры. Наверное, именно поэтому они всячески стремятся заглушить в нашем естестве рвущуюся наружу энергию, тем самым извращая ее, а запретами и ограничениями обращают естественные и светлые чувства в голый секс и порнографию.

Смотрю популярный на черном видеорынке сериал «Чингисхан» — молодцы китайцы! От массовых подделок ширпотреба, шмоток, машин, антиквариата они, вслед за американцами, перешли к подделке под себя мировой истории. Хотя это и не совсем добрый знак.

Большинство женщин блондинками не рождаются, а ими становятся. Их внутренний мир после долгих поисков и дискомфорта наконец-таки находит свою истинную

форму. Так они пытаются исправить ошибку природы.

А между прочим, говорят, что среди святых нет ни одной блондинки.

Он так любил блондинок, что влюбился в свою жену только после того, как она поседела.

Верить женщине так же ненадежно, как и давать слово самому себе.

В итоге никто из нас так и не узнает, зачем он жил на земле.

Нетрудовое богатство — источник деградации личности, а в итоге и упадка государственности.

Мое «я» почему-то часто отличается от меня самого, мне становится не по себе, когда эти близняшки начинают изводить друг дружку.

Цените ночь, потому что ночью жизнь проходит мимо нас.

Он стал богатым после обнищания народа, но зато как он страдает по коммунистическому прошлому!

В Черногории горят леса. Это погребальные костры древнего славянства, в их смрадном дыму все четче очерчивается силуэт чего-то неведомого и проамериканского, имя ему Монте Негро.

У нас правительство меняют как любовниц, чтобы всем публично доказать свою половую состоятельность.

Самое демократическое порождение человека — дерьмо! Пища, одежда, жилища — символ классового неравенства, и только дерьмо одинаково и по форме, и по содержанию.

Как говорила одна из византийских цариц, «пурпур власти — лучший саван», так что от наших правителей добровольного ухода с демократического трона ждать нечего.

Интересную фразу услышал от мужика на берегу озера Свитязь: «…а если он завтра кеды за икону составит», в смысле помрет неожиданно.

Большевизм — алая чума прошлого века.

Вера в Бога у нас иссякнет в очередной раз, как только люди поймут, что под пение псалмов их в очередной раз обратили в рабов, и притом далеко не Божьих.

Помни все, даже то, чего никогда не было, и жизнь твоя будет всегда интересной и полной необычного.

Глупец, в отличие от умного, всегда найдет себя в этом мире и умудрится приспособить мир под себя.

Глупость и лень рождают ложь, ложь рождает подлость, подлость рождает вседозволенность, а последняя рождает власть.

Цепной пес развращен цепью, которая обеспечивает ему еду и кров при абсолютном ничегонеделании, поэтому когда во двор случается вломиться волку, наш Полкан опрометью летит в сени, сбивая с ног хозяина. Когда же в сад забираются соседские мальчишки, лохматый страж рвет их на куски, стараясь показать хозяину свою значимость и незаменимость. Как это похоже на работу наших силовиков.

Самое страшное проклятие человечества — короткая память живущих.

Все высокие помыслы выше пояса, как правило, не поднимаются.

Мир закатился далеко-далеко, в самое забвение, человек принялся доставать его палкой да так намял миру бока, что началась очередная мировая война.

Наша держава такая великая, что ее никто и не видит.

Даже самая добрая сказка может закончиться кошмарным сном.

Если врагов нет, их назначают.

Тяжело жить, когда не плачется.

Где начинается суд людской, там умирает справедливость и правда.

У всякого подлеца всегда сыщется немало чистых защитников.

В мире нет такой подлости, которую бы не оправдал наш парламент.

Долго не получается только то, что и получиться-то не может.

Всякая власть держится на трех китах: нашей лени и надежде на халяву, жандармах и крысиной грызне оппозиции.

Мне белорусский язык нужен для того, чтобы разговаривать с Господом.

Корова была такой худой, как наше несостоявшееся коммунистическое будущее.

Если у президента нет врагов, их выдумают спецслужбы.

Дети все же мудрее нас, потому что не верят в Бога, они живут в Нем.

Мы уже давно глупость принимаем за мудрость, а ложь за правду.

Народ его так любит, аж боится!

Можно верить хоть в черта, хоть в инопланетян, но только не в любовь олигарха к народу.

Глупость, придя к нам, уже никуда не уходит. Так, со своими глупостями, мы и живем.

Мы все время что-то ищем, хотя до этого ничего и не теряли.

Ладошки маленьких детей пахнут нашим счастьем, так жаль, что они очень быстро вырастают.

Мои слова мешают моим мыслям, вот так в последнее время они и живут в полной разобщенности.

Последнее время очень сожалею, что перегрузил свою голову массой чужих знаний, которые нагло обратились в мою образованность, мешающую видеть подлинную картину мира.

Свобода так же лицемерна, как и правда, сказанная за деньги.

Бойтесь истины убогих, ее у них нет.

Казнокрадство не воровство, а стиль жизни.

Истинной кочевницей на земле является только любовь.

Христос и предположить не мог, что Его именем будут кормиться столько бездельников.

Демократия, по сути своей, такая же власть бюрократов, только прикрытая пестрой ширмой общепринятых условностей.

Великих губит мелочная суета ничтожного окружения.

Лозунг для Красной площади: «От голубых елей к голубым парадам!»

Кто мог на Руси предположить, что новая орда придет с северо-запада.

Русский бог настолько велик, что ни в одной церкви уместиться не может.

В России уже давно пытаются изобрести собственный положительный образ, но получаются или Образа, или Гримасы.

Первым правду за деньги сказал Иуда.

«Не сдавайся в рабство, пока у тебя есть выбор умереть свободным!» — мудрствовал

Еврепид и, при всех превратностях своего времени, умирать за свободу не спешил.

Он после смерти попал в Ад, а она в Рай, хотя до этого жили одной семьей.

У божьих слуг всегда человеческие запросы.

Матриархат — это когда бабы спровадили мужиков за мамонтом или на войну за новые бутюки, а сами отвязались по полной программе.

Одичание избранных ведет к всеобщему извращению общества.

«Ничто не слишком»,— говорили древние греки, но и само «ничто» было уже слишком для человека.

Того, чего не было, уже никогда и не будет.

Прихоть и капризы слабых мужчин правят миром.

Чертей и колдунов придумали попы от своего безверия в Бога.

Чтобы увидеть будущее, вовсе необязательно заглядывать в жопу настоящего.

Голосование поднятием руки обозначает половинчатую сдачу в плен.

Если Богу молиться толпой, то это уже не молитва, а хоровое пение.

Кто много пишет, тот — писатель, а я свидетель дней ваших, и шепот листвы

памяти вашей, и дождь дождей слов ваших, и сумерки вчерашнего. И нет покаяния на земле, ибо кающийся уже лжет во имя грядущего греха своего. Всякое слово из уст его суть ложь. Не прибудь во лжи и не клевещи на имя свое, воздастся тебе от молчания твоего. Молчалива скала у реки Катунь, и в вечности веков тело ее, и нет ей конца. Бессловесны и зверь, и птица, и не емлят они страха смерти, и нужды в покаянии нет у них; и в том истина, иное слепота и мрак разума твоего.

У терпения своя правда.

У Бога и черти на подхвате.

Власть и нужды народа — понятия разнополярные, все это знают и продолжают извечную игру в доброго, но окруженного негодяями царя.

За последний век питерские дважды брались обустроить Россию, и оба раза обра-

щали ее в нищенку, оба раза их возглавляли юристы, и оба раза за счет России живился весь мир.

Восьмое марта — праздник импотентов, которые только раз в год вспоминают, что они мужики.

Когда силы нет, то и бессилие — сила.

В мир пришла эра ущербных президентов.

Иудо-христианскую цивилизацию ждет страшная месть мусульман за крестовые походы.

Главная заповедь нашего времени: чекисту — чекистово, бандиту — бандитово, а остальное — ментам.

Вот оно, узкоглазое будущее моей страны.

Есть такая профессия — кнопки нажимать.

Из молочных рек России мир еще не раз кровью умоется.

Всем не хватает воздуха, а России — газа.

Россия без войн хиреет, а на войнах уже не побеждает.

На всякую красоту старость сыщется.

Ей так нравилось быть красивой, что она этим жила. Люди на нее засматривались, а она любовалась только собой, так одинокой и померла.

Безумие гения со временем становиться нашей действительностью.

Он любил останавливаться в гостинице «Москва» в номере с видом на Кремль только потому, что, трахаясь у окна, его переполняла гордость — казалось, что он это делает со всей страной.

За неделю праздности в Европе мы платим годом пахоты в России.

Дочке нравится Рим, а мне — испанка за соседним столиком.

О вечные камни Рима стирается время, и ночью, заблудившись в пустынных улочках, ты можешь попасть совсем в иную эпоху.

Старцы говорят, что вера умирает от массовости, но в соборе св. Петра в Риме толпы

туристов каким-то странным образом растворяются, и ты сам остаешься наедине с Господом.

Прилететь в Рим, чтобы все это увидеть, и улететь, чтобы уже никогда не забыть.

Только в вечно живом Риме Гоголь смог написать «Мертвые души».

*

Гоголю так нравился Рим, что он даже стал русским патриотом в повести «Тарас Бульба», чтобы никогда не возвращаться в Россию, а вернувшись, сошел с ума и сжег продолжение «Мертвых душ».

Женщина с лицом уставшего верблюда.

Бедному денег на все хватает, а богатому их всегда мало, потому что их уже и сосчитать не может.

Чем больше он стремится быть отцом нации, тем все больше становиться ее отчимом.

Он так рьяно искал Бога на небесах, что погубил в себе человека.

Еще неизвестно, что для народа лучше — сила диктатуры или импотенция власти.

Если кормить даже самую нежную любовь деньгами, она неизбежно вырастет в отвратительную проститутку.

Даже два лета не заменят одной осени.

Государство сегодня уже так далеко ушло от человека, что мы его почти не видим.

Горе той стране, вождь которой не знает, чем себя занять.

Говорить одно, делать другое, мечтать о третьем и никогда не быть самим собой — вот она, заповедь депутата.

Глупость тоже бывает креативной.

Глупо писателю дожидаться помощи от президента, не читающего книг.

Главное — не умение работать, а быть в правильной команде.

Где найти день, в который бы уместилась ночь?

Всякое убийство противно Богу, но нет ни одной войны, которую бы не благословила церковь.

Все чаще попы мешают моему долгому разговору с Богом.

Коллектив — самое страшное изобретение негодяев.

Время пройдет так же незаметно, как пришло.

Возраст неизбежно крадет у нас беззаботность, оставляя грусть.

Во всем мире первое лицо государства охраняет цвет армии — гвардия, а у нас почему-то жандармы.

Власть не врать не может. Ложь — ее идол.

Власть — такая же химера, как и время: за придуманной нами оболочкой прячется бездна пустоты.

Вещи в деревне живут дольше, чем в городе, и тем самым замедляют течение времени, отсюда и долголетие человечества.

Вечер загустел как битум и превратился в ночь, мне не хватит спичек, чтобы его растопить.

Великий Рим убило христианство, из его кирпичей построило Ватикан, но до сих пор на руинах «вечного города» туристов больше, чем паломников в храмах.

В ночном дыхании осени особенно отчетливо ощущается вечность.

В Москве в 1945 году кружка пива стоила шестнадцать рублей — дневная зарплата офицера-фронтовика.

Божью благодать на земле люди создают своими руками.

Больше всего люди врут во время войны и о войне.

Более мерзкой империи, чем Византия, мир не видел; к нашему несчастью, Россия выросла на этой навозной куче.

Бог живет в храме, если Его туда приносят люди в сердцах своих.

Без Бога мы бы не боялись власти.

Не врет только сумасшедший.

Чем беднее страна, тем деспотичнее в ней власть, тем больше в городах храмов.

Завтра мы обязательно забудем то, что знали сегодня.

Чтобы не пришел черт, не зови бога, которого не знаешь.

Национализм — это разновидность изотеризма, и к социальным течениям он не имеет никакого касательства.

Одиночество женщины начинается с одиночества зубной щетки в стаканчике ее туалета.

За невысоким и хорошо одетым человеком вальяжно двигался охранник как зримое воплощение смертного приговора.

Европа прямо на глазах превращается в арабо-африканский халифат.

Лицо, деформированное расовой толерантностью.

От шведских традиций остался только модифицированно выращенный лосось.

После Стокгольма Рим кажется сказкой, нечаянно свалившейся на землю.

Бог создал людей, разделил их на расы и расселил по всему свету в надежде, что они никогда не пересекутся. Ему и в голову не могло прийти, что белые изобретут самолет и корабли, чтобы погубить себя.

Великие империи разрушают новые религии, которыми заражаются еще вчера законопослушные подданные.

Почти у каждого народа был свой Леонардо да Винчи; у белорусов это, безусловно, Франциск Скорина, тайну которого мы так никогда и не узнаем.

Во дворе Ватикана стоит самый страшный памятник, который мне приходилась видеть: вращающиеся друг в друге разрушающиеся шары — модель конца света, наглядность уничтожения одной цивилизации другой или просто законченное безумие нашего мира.

Только в России богатеи могут слыть элитой нации и быть приняты национальной интеллигенцией как равные.

Путь из греков в варяги — это не только торговая дорога, это также путь рабства, подлости и разврата.

У нас есть несколько милых и вполне симпатичных министров, но у нас уже давно нет настоящего правительства.

Молите Бога, чтобы Он скорее послал нашей церкви честных и добрых батюшек, пока нынешние ее окончательно не разворовали.

Самые отвратительные прихожане — бывшие комсомольские активисты и партийные начальники, для них Бог — это генсек, только на небе.

Неужели человечество выползло из мрака естества только для того, чтобы исчезнуть под солнцем прогресса?

Мистика без материального мира — безумие.

Стоило ли Канту или Толстому столько писать, чтобы их сегодня никто не читал.

Красоты мира нам даны для того, чтобы почувствовать свое ничтожество.

Скорее всего, люди — одна из разновидностей паразитов.

Самым страшным наркотиком являются деньги.

Привыкнуть можно к боли, но не к страху.

У всякой власти одно лицо — жопа.

Прошлое несчастье почти всегда помогает новому счастью.

У Бога одна забота — не мешать людям.

Не зови прошлое, настоящее целее будет.

Жизнь не кружка, ее до краев не нальешь и до дна не выпьешь.

На всякого короля козырная шестерка сыщется.

Ей было так грустно, как никому в мире не бывает.

Он никуда не спешил, потому что уже везде успел.

Мы все время путаем волю со свободой, от того и большинство наших бед.

Создается впечатление, что нас не надо завоевывать, мы и так все за бесценок спустим сами.

С годами его лицо становится все злее и злее, еще немножко — и он обратится в старую лысую крысу.

У глупости много лиц, но мы знаем только два — начальника и…

Судьба становиться судьбой только после того, как с нами что-то случилось.

Самая крамольная наука — это история.

Новость кончается сразу, как только началась.

Не старайся увидеть то, чего нет, и ты избавишь себя от ненужной реальности и массы неприятностей.

Правда находится где-то между ложью и нашим желанием обмануться.

Утро — это ежедневная репетиция воскрешения.

Когда мы пытаемся понять непонятное, рождается религия.

Нам почти всегда надо туда, где нас вовсе не ждут.

Глупость всегда понятнее.

Лицо госдумовской национальности.

Их, как школьников, время от времени вывозят на экскурсии по управляемой ими стране.

Глупо помнить то, что другие уже давно забыли.

Для кого-то и закат является восходом.

Батюшка все пытался перевести с Божьего языка на русский.

Сказка уже давно закончилась, а волк все еще не съел Красную Шапочку.

Собравшись далеко, оглянись вокруг; может, и ехать никуда не надо.

У власти всегда свой праздник, на который нас никогда не позовут.

Памятнику наплевать, какие митинги собираются у его подножья.

Чем больше водки, тем понятнее язык птиц.

В отличие от живых, мертвые всегда к нам возвращаются.

Кто не умеет работать, тот проводит совещания и съезды.

Не надо гоняться за удачей, а то она еще подумает, что вы от нее убегаете, и обидится.

Из патриотов самый мерзкий — пролетарий.

*

День чекиста скоро станет всенародным праздником.

Говоря о безумии мира, мы говорим о себе.

Человечество ведет вечную войну за вечный мир.

Чем меньше в народе религиозного фанатизма, тем меньше вероятность войны.

У Неба нет души, только воля, поэтому оно нас никогда не слышит.

Когда бюджет армии меньше бюджета силовиков, это уже тюрьма, а не государство.

От обилия нефти и газа мозги заплывают салом не только у власти, но и у народа.

Двух рук для наших олигархов уже мало.

Нам не хватает того, чего у нас никогда и не было.

Однажды поверив в то, чего нет, мы остались в плену этой веры.

Личностью всегда безликие управляют.

Любовь кончается сразу после прихода такси.

У хорошего волка и козлята сыты, и козы оприходованы.

Плохо, когда глаза смеются, а душа плачет.

Придумать Бога гораздо легче, чем его постичь.

Награды фронтовиков не отличаются от наград вертухаев, охранявших концлагеря.

Мужеству всегда не хватает капли трусости, чтобы остаться живым.

Первым самозванцем все же была Византия.

Самолюбивый человек всегда готов к предательству.

Народ — творец всего, кроме мудрости, мудрость творят единицы, гонимые народом.

Уйти — это значит куда-то вернуться.

Чем больше у тебя мобильных телефонов, тем страшнее они молчат.

Рябая осень со скуластым лицом азиатского солнца смотрела на мир раскосыми желтыми листьями тополей. Эти глаза медленно скользили в прозрачном блестящем воздухе и, несколько раз моргнув, с легким шорохом опускались на землю. Я брел по шуршащему осеннему ковру. Дикая, как ночной вой волка, тоска медленно всплывала в душе. Хотелось сорвать одежду и, съежившись от прикосновения звериной шкуры к голому телу, разорвать невидимую пелену

времени и запрыгать вокруг костра с большим невесомым бубном в руках. Хотелось к истокам, голова кружилась под стать листьям, и это кружение приобретало сепарирующую силу, отделявшую дух от тела. Медленно погасло солнце, пространство сжималось, еще мгновение — и весь этот огромный мир обратится в маленькую, едва различимую точку. Под плотно сжатыми веками уже пульсировала радужная пустота. Полет начался. Однако какая-то неведомая сила вдруг вернула все на свои места.

Тихо падали листья. Солнце щурилось глазами Николая Угодника. Хотелось плакать и молиться.